

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Холодное сердце. Часть вторая, стр. 4

которых он травил собаками; обремененный безмолвным отчаянием своей матери, кровью красивой и доброй Лизбет; что ответит он ее старику отцу, когда тот придет к нему и спросит: «Где моя дочь, твоя жена?» А как будет он держать ответ перед другим, перед тем, кому принадлежат все леса, все моря, все горы и жизни людские?

Это мучило его и ночью во сне, поминутно просыпался он от нежного голоса, который зывал к нему: «Петер, добудь себе живое сердце!» А проснувшись, спешил снова закрыть глаза, ибо узнал голос, предостерегавший его во сне – то был голос Лизбет. На другой день он пошел в трактир, чтобы развеять мрачные мысли, и застал там Толстяка Эзехилия. Петер подсел к нему, они заговорили о том о сем: о хорошей погоде, о войне, о налогах и, наконец, о смерти, о том, как где-то кто-то внезапно умер. Тут Петер спросил Толстяка, что он вообще думает о смерти и что, по его мнению, за ней последует. Эзехиль ответил ему, что тело похоронят, а душа либо вознесется на небо, либо низринется в ад.

– Значит, сердце тоже похоронят? – с тревогой спросил Петер.

– Конечно, его тоже похоронят.

– Ну, а если у человека больше нет сердца? – продолжал Петер.

Услышав это, Эзехиль испуганно усталился на него.

– Что ты хочешь этим сказать? Ты что, насмехаешься надо мной? По-твоему, у меня нет сердца?

– О, сердце у тебя есть, и преизрядное, твердое, как камень, – отвечал Петер.

Эзехиль вытаращил на него глаза, оглянулся, не слышит ли их кто, и сказал:

– Откуда ты знаешь? Может быть, и твое сердце больше уже не бьется?

– Нет, не бьется, во всяком случае, не у меня в груди, – ответил Петер Мунк. – Но скажи мне, – теперь ты знаешь, о чем я говорю, – что станется с нашими сердцами?

– Да тебе-то что за печаль, приятель? – смеясь, спросил Эзехиль. – На этом свете ты живешь припеваючи, ну и будет с тебя. Тем-то и хороши наши холодные сердца, что от таких мыслей нам ни чуточки не страшно.

– Что верно, то верно, но мысли-то в голову лезут. И ежели я теперь не знаю страха, то хорошо помню, как ужасно боялся адских мучений, когда был еще маленьким наивным мальчиком.

– Ну, хорошего нам ждать не приходится, – заметил Эзехиль. – Как-то раз я спросил об этом у одного учителя, он сказал, что после нашей смерти сердца будут взвешены – велика ли тяжесть грехов. Легкие сердца взлетят вверх, тяжелые падут вниз; я думаю, наши камни потянут немало.

– Да уж конечно, – ответил Петер. – Но мне и самому часто не по себе оттого, что мое сердце остается таким безучастным и равнодушным, когда я думаю о подобных вещах.

Так они говорили; однако в ту же ночь Петер пять или шесть раз слышал, как знакомый голос шептал ему в ухо: «Петер, добудь себе живое сердце!» Он не испытывал раскаяния в том, что убил жену, но когда говорил челяди, что она уехала, то сам при этом всякий раз думал: «Куда же она могла уехать?» Так прошло шесть дней; по ночам он неизменно слышал тот же голос и все думал о маленьком лесовике и его страшной угрозе; но на седьмое утро он вскочил с постели и воскликнул: «Ну ладно, пойду попытаюсь добыть себе живое сердце, мертвый камень в моей груди делает мою жизнь скучной и бессмысленной». Он поспешно надел воскресное платье, сел на лошадь и поскакал к Еловому Бугру. Достигнув того места на Еловом Бугре, где ели стояли особенно густо, он спешился, привязал лошадь, торопливым шагом направился к толстой ели и, став перед ней, произнес заклинание:

Хранитель Клада в лесу густом!Средь елей зеленых таится твой дом.К тебе с надеждой всегда зывал,Кто в воскресенье свет увидал.

И Стекланный Человечек явился, но не такой приветливый и ласковый, как прежде, а хмурый и печальный; на нем был сюртучок из черного стекла, а со шляпы спускалась длинная траурная вуаль, и Петер сразу понял, по ком он надел траур.

– Что хочешь ты от меня, Петер Мунк? – спросил он глухим голосом.

– У меня осталось еще одно желание, господин Хранитель Клада, – ответил Петер, не поднимая глаз.

– Разве каменные сердца могут желать? – спросил Человечек. – У тебя есть все, чего требовал твой дурной нрав, и я вряд ли смогу исполнить твое желание.

– По ведь вы подарили мне три желания; одно-то у меня еще осталось.

– И все же я могу тебе в нем отказать, если оно глупое, – продолжал лесовик, – но говори, послушаем, чего ты желаешь.

– Тогда выньте у меня из груди мертвый камень и отдайте мне мое живое сердце! – сказал Петер.

– Разве я заключил с тобой эту сделку? – спросил Стекланный Человечек. – И разве я Голландец Михель, который дарит богатство вместе с каменным сердцем? Там, у него, ищи свое сердце.

– Ах, он никогда мне его не вернет! – ответил Петер.

– Жаль мне тебя, хоть ты и негодяй, – произнес Человечек после некоторого раздумья. – Но поскольку твое желание не глупо, то я не могу вовсе отказать тебе и оставить без всякой помощи. Итак, слушай: силой ты сердце себе не вернешь, а вот хитростью – пожалуй, и, может быть, даже без особого труда, ведь Михель был и остался глупым Михелем, хоть он и почитает себя великим умником. Ступай прямо к нему и сделай все, как я тебе скажу.

Он научил Петера, как себя вести, и дал ему крестик из прозрачнейшего стекла.

– Жизни тебя лишить он не сможет и отпустит на волю, если ты сунешь ему под нос этот крестик и при этом будешь молиться. А как только получишь от него то, чего добивался, приходи опять ко мне, на это же место.

Петер Мунк взял крестик, постарался хорошенько запомнить все наставления Человечка и отправился дальше, во владения Голландца Михеля. Он трижды позвал его по имени, и великан мгновенно явился.

– Ты убил жену? – с ужасным смехом спросил он. – Я бы поступил так же, она раздаривала твое имущество нищим. Но тебе придется на время уехать – ее будут искать, не найдут, и поднимется шум; так что тебе, верно, нужны деньги, за этим ты и пришел?

– Ты угадал, – ответил Петер. – Только на этот раз денег надо побольше – до Америки-то далеко.

Михель пошел вперед и привел его к себе в дом; там он открыл сундук, полный денег, и стал доставать оттуда целые столбики золотых монет. Пока он отсчитывал Петеру деньги, тот сказал:

– А ты, Михель, пустобрех! Ловко ты меня провел – сказал, что у меня в груди камень, а мое сердце, мол, у тебя!

– Разве это не так? – удивился Михель. – Неужели ты слышишь свое сердце? Разве оно у тебя не холодное, как лед? Разве ты чувствуешь страх или горе иди способен в чем-то раскаиваться?

– Ты просто остановил мое сердце, но оно по-прежнему у меня в груди, и у Эзехилия тоже, он мне и сказал, что ты нас надул, где уж тебе вынуть у человека сердце из груди, да еще так, чтобы он ничего не почувствовал, для этого надо быть волшебником.

– Уверяю тебя, – раздраженно воскликнул Михель, – у Эзехилия и у всех, кто получил от меня богатство, такие же каменные сердца, как у тебя, а ваши настоящие хранятся у меня здесь, в комнате.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) >> [Дальше](#)